

Гунгашань — не единственная снежная вершина в Гардзе, а лишь главный пик целой горной гряды, и поскольку она самая высокая, то и самая известная.

Раньше Тан Юйхуэю казалось, что заснеженные горы должны быть белыми. Кристально чистый, не тающий годами снег безмолвно укрывал неприступные, отвесные пики, видевшие лишь мимолётные облака и неустанный холодный ветер. Но позже, вспоминая снега Западной Сычуани, он неизменно представлял себе переливы синих и красных оттенков. Возможно, потому, что небо за горами было слишком прозрачным, словно лазурный кристалл, и белизна снегов отражалась в этой чистейшей синеве. А может, потому что в закатный час, когда солнце озаряло горы, окутанная нежным свечением Гунгашань стыдливо и величественно являла свой истинный, божественный облик: её вершина алела, подобно вулканической породе, или мерцала, как позолота на храме, тронутая временем.

Когда Тан Юйхуэй только приехал в Кандин, он мечтал, что однажды Кан Чжэ возьмёт его с собой на Гунгашань. Насколько он помнил, Кан Чжэ тогда окинул его красноречивым взглядом, помолчал, а потом спросил, есть ли у него опыт горных восхождений. Стоило Тан Юйхуэю покачать головой, как Кан Чжэ нетерпеливо и решительно пресёк эту затею. Недовольно нахмурившись, Тан Юйхуэй спросил, в чём дело. Ответ Кан Чжэ был предельно коротким:

— Погибнешь.

Позже, узнав больше, Тан Юйхуэй понял, что Кан Чжэ не просто пугал его из-за раздражения. Для такого дилетанта, как он, попытка взойти на вершину сложнее Эвереста и правда была бы самоубийством. Но одно дело — понимать головой, совсем другое — смириться с этим. Прекрасные, священные снежные пики были прямо перед ним, и пусть они бесчисленное множество раз становились лишь привычным фоном повседневности, стоило Тан Юйхуэю нечаянно бросить взгляд вдаль или поднять голову и увидеть заснеженную вершину, как он с широко раскрытыми глазами надолго застывал в оцепенении, не в силах отвести взгляд.

Западная Сычуань была невероятно красива, а Гардзе был её сердцем, драгоценным камнем, подобным застывшей слезе. Безмолвные горы расходятся, чтобы их снега встретились вновь в потоках рек. Меж пиков мирно пасутся стада, вольные скакуны вздымают пыль, а небесная синь, проливаясь на землю, становится гладью озёр.

Кан Чжэ не сказал, куда именно они идут, но Тан Юйхуэй догадался, что место не из лёгких, потому что тот взял с собой два кислородных баллона. К моменту выхода Кан Чжэ, казалось,

уже жалел о своей затее. Он несколько раз строго наказал Тан Юйхуэю сразу говорить, если тот устанет или почувствует себя плохо, потому что, по выражению самого Кан Чжэ, «это место определённо не стоит таких усилий».

Тан Юйхуэй прожил в Кандине уже достаточно долго, чтобы быстро адаптироваться, и почти не страдал от горной болезни. Он предполагал, что придётся немного пройтись в гору, но не ожидал, что Кан Чжэ действительно поведёт его на заснеженную вершину. Кан Чжэ подчеркнул, что до вершины они не пойдут, иначе он бы не взял с собой Тан Юйхуэя.

Два кислородных баллона были нелёгкими. Кан Чжэ молча шёл впереди, неся их поклажу. Тан Юйхуэю путь давался нелегко, но, видя, как черты лица Кан Чжэ подёрнулись инеем горных вершин, а плотно сжатые губы хранят молчание, Тан Юйхуэй и сам тактично помалкивал, не проронив ни слова за весь путь.

Стоял июнь, на лугах буйно цвели полевые цветы, и хотя солнце не палило, днём было не слишком холодно. Но чем выше они поднимались по безлюдному склону, тем сильнее становился ветер, пробирая Тан Юйхуэя до костей. Он чувствовал себя бумажным змеем, готовым сорваться в сторону снежных вершин.

Кан Чжэ обернулся и накинул на него свою куртку. Тан Юйхуэй поспешно отказался, но Кан Чжэ безэмоционально ответил, что ему не холодно, и спросил, не нужен ли кислород. Тан Юйхуэй покачал головой. Кан Чжэ встал, на мгновение посмотрел на него и сказал, что они почти пришли.

Тан Юйхуэй заметил, что чем ближе они подходили к концу пути, тем медленнее становился шаг Кан Чжэ. Сначала он подумал, что тот замедлился, чтобы подождать его, но потом понял, что дело, кажется, не в этом.

Чем выше они поднимались, тем становилось холоднее. Вокруг них постепенно появился снег — пока ещё тонкий слой, которому было далеко до ледников на вершине, но Тан Юйхуэй остановился и молча рассматривал его несколько секунд.

Гора, на которую его привёл Кан Чжэ, была не слишком высока, но с неё открывался идеальный вид на золотисто-алый пик Гунгашань. Когда-то Тан Юйхуэй под предлогом

перевода буддийских сутр неуклюже читал Кан Чжэ множество любовных стихов.

Однажды после такого чтения они лежали на склоне холма, и Кан Чжэ в ходе праздного разговора спросил, смотрел ли Тан Юйхуэй фильмы одного иранского режиссёра. Кан Чжэ, казалось, знал всё на свете и был очень умён. Услышав имя, Тан Юйхуэй с сожалением покачал головой, и Кан Чжэ тихо усмехнулся. Он поднял руку, заслоняясь от прямого солнца, которое показалось из-за облаков, и спросил Тан Юйхуэя, нравятся ли ему снежные вершины. Тан Юйхуэй, задумавшись, медленно кивнул, и Кан Чжэ сказал:

— Мне очень нравится одна строчка из его стихов.

Его глаза снова лукаво сощурились, обнажив дерзкие клычки, и он, словно в ответ на чтение сутр, тихо и неторопливо произнёс:

— Для кого-то вершина — место, которое нужно покорить. Для горы это место, где идёт снег.

В этот самый миг Тан Юйхуэй безмолвно смотрел на белеющий пик напротив, и в его памяти вдруг всплыла эта фраза. Беспричинная, тихая и медленная грусть начала подступать к сердцу, и ему вдруг расхотелось идти дальше.

Они прошли ещё немного, и спереди донёлся голос Кан Чжэ:

— Пришли.

Тан Юйхуэй остановился и растерянно огляделся. Они оказались на небольшом, залитом солнцем, выступе чуть выше середины склона, откуда открывался вид на величественные снежные вершины напротив. Впереди виднелась большая, приметная скала, а рядом с ней росла высокая пихта. Издали казалось, что к дереву что-то привязано — ткань яростно билась на ветру, словно пытаясь расправить крылья навстречу заснеженному пикам.

Тан Юйхуэй не знал, что именно хотел показать ему Кан Чжэ, но сердце уже бешено колотилось, подсказывая: вот оно. Он сделал несколько шагов вперёд, но внезапно замер. Кан Чжэ не двинулся с места. Он стоял позади него, и его тяжёлый взгляд был устремлён в спину Тан Юйхуэя. Сердце Тан Юйхуэя тяжело ухнуло. Он повернулся, подошёл обратно и, взяв Кан Чжэ за руку, тихо спросил:

— Почему не идёшь?

Выражение лица Кан Чжэ было пугающе бесстрастным. Он равнодушно стряхнул руку Тан Юйхуэя и спокойно произнёс:

— Ты иди. Я останусь здесь.

Резкое движение, которым Кан Чжэ отдернул руку, было почти болезненным. В душе Тан Юйхуэя поднялась опустошающая, безотчётная тревога. Не сдаваясь, он снова потянулся к руке Кан Чжэ и прошептал:

— Что случилось?

Но голос Тан Юйхуэя оборвался, потому что в его ладони оказалась та самая рука, которую Кан Чжэ только что отдернул. Он поднял глаза на Кан Чжэ. Айсберг оставался айсбергом, но это ледяное прикосновение не смогло унять ту боль, что судорогами сводила его сердце.

Кан Чжэ стоял с невозмутимым видом, высокий и статный, возвышавшийся, подобно изваянию, в безмолвии лугов и гор. А его рука, которую сжимал Тан Юйхуэй, совершенно тихо и неудержимо дрожала.

Автору есть что сказать. «Для кого-то вершина — место, которое нужно покорить. Для горы это место, где идёт снег». Аббас Киаростами [п/п Иранский режиссёр и сценарист]

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130189>